

Героями рождаются

РАССКАЗЫ

16+

ЯКОВЛЕВ ЮРИЙ СЕМЁНОВИЧ

Юрий Семёнович Яковлев

Героями рождаются.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63482876

SelfPub; 2023

Аннотация

В этих рассказах темы подняты очень волнующие каждого, но без утверждений, споров, дискуссий, точек зрения, аргументов и эмоций. И даже без назидательности. Просто написана правда, как она есть, да так, что тут даже возражать не получится – просто смешно будет. "Написано очень хорошо с точки зрения литературы, заходит само, забываешь, что читаешь" (из отзыва читателя). Фото на обложке и в книге – из личного архива автора.

Содержание

Героями рождаются	4
Вот так встреча	7
Лебединая песня	18
О чём я начал вспоминать в пять часов утра	28
Трудно не сказать лишнего	32
Про любовь и поэзию	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юрий Яковлев

Героями рождаются.

Сборник рассказов

Героями рождаются

Это я был спортсменом. А он не был. Он не прыгал с парашютом. Он не делал сальто и рондат с фляком. Он не акробат. Он не снимался в кино в роли Рэмбо. Он директор фирмы. Он просто Пётр Юрьевич. Хороший специалист. Успел поработать в порту ещё при Союзе. Это потом туда волнами прибывало всяких начальников, не разбирающихся, но жаждущих денег. Эти странные волны шли с суши, с Киева, а не с моря.

Я отклонился от темы. Это было ещё до празднования миллениума, в прошлом веке. А при чём тут спорт и Рэмбо? Я хочу сказать, что мы не знаем своих возможностей в экстремальных условиях. Как они на нас подействуют? Загрёшь ли ты, как хамелеон, приняв окраску окружающей среды, побежишь ли, как заяц, или будешь атаковать, как делает ёж, пытаясь уколоть противника? Это всё записано в генетическом коде, и вслух не прочитаешь.

Встречаемся мы с Петром Юрьевичем. Вижу, он немного

возбуждён.

– Что случилось? – спрашиваю его.

– Не могу успокоиться со вчерашнего дня. Эта собака, такая противная, волосатая, вернее, лохматая и вонючая. Псиной пахнет.

– Зачем же нюхать такую собаку? – удивился я.

– Я её не собирался нюхать. Так получилось.

– Это интересно, расскажи подробней.

– Ты же знаешь, моей дочке четыре года. Прелестная девочка. Она гуляла с мамой во дворе, когда я подъехал на машине. Я ездил в магазин. Несу в руках два полиэтиленовых пакета с продуктами. Дочка увидела меня. Закричала: «Папа приехал!» – и побежала мне навстречу. Весёлая такая, красивая, в голубеньком платице. Когда до меня ей оставалось метра четыре, я заметил, что огромный чёрный пёс со злым рычанием бежит к дочке. Жена кричала от ужаса. Казалось, ещё мгновение, и пёс укусит девочку. Но его путь проходил мимо меня. Ему не повезло. Я не знаю, что со мной случилось. Наверное, я озверел. Неведомая сила оторвала меня от земли, я полетел ласточкой на собаку и точно вцепился зубами в её загривок. Руки так и оставались заняты пакетами, свободны были только зубы или клюв, если уж лететь ласточкой. Я от себя такого не ожидал! А как собака не ожидала! Она взвизгнула и стала удирать. Потянула меня за собой, вместе с моими покупками! Я её отпустил, но не сразу, а когда стал соображать. Невкусная такая соба-

ка попалась! Очень мохнатая. И воняет псиной. Когда я разжал зубы, она быстро убежала. Одна шерсть у меня во рту осталась. Даже не знаю, есть ли у собаки хозяин. А то бы и ему досталось. Судя по вкусу и запаху собаки, хозяина нет. Вряд ли бы я его покусал, но пакетом по голове треснул бы обязательно. А так – я только зубы чистил да плевался весь вечер. Под удивлёнными и благодарными взглядами жены и дочери.

– Так становятся героями? – предположил я.

– Да, эта неведомая сила бросает людей на амбразуру, – согласился мой товарищ.

– Это героизм? – спросил я.

– Нет, это программа выживания, вложенная в нас. Или любовь к ближнему.

– Теперь понятно, почему ты не бросил в собаку пакетами: их придумали позже и в программу не вложили.

– Может быть это так, или я просто озверел. Определённо, озверел. Можно не сомневаться, моментально озверел. И немножко рычал.

– Главное, что озверение уже прошло, – улыбнулся я.

– В жизни всё проходит, и это прошло.

2020 г.

Вот так встреча

Мы встретились с ней взглядом. Она не отвела глаза. Бывает, когда она не отводит глаза, в них можно увидеть бездну, вечность, где время остановилось. Она – наша кошка, в преклонном кошачьем возрасте. Вот она запрыгнула на колени, потом на клавиатуру компьютера. Потопталась по клавишам, хитро заглянула мне в глаза, спрятала улыбку в усы и спрыгнула на мои колени.

А на экране появилась моя фотография, армейская, где мне девятнадцать лет. Вот кошка дает! Но, удивительное дело, фотография двигается, смотрит на меня через экран с удивлением.

– Вы кто? – спрашивает меня моё изображение.

Я потерял дар речи от удивления. Какой-то похожий на меня юноша пытается меня, опытного дяденьку, разыграть. Достали где-то в интернете моё фото, одели человека в пограничную форму, загримировали шутника под фотографию.

– Вы похожи на моего родственника, – сказала моё изображение. – Глаза как у мамы. И на фотографию бабушки тоже. И откуда мне явились, как во сне? Задремал что ли? Я тут сижу с книгами, готовлюсь к поступлению в институт. Все кино смотрят. А мне начальник клуба капитан Саушкин дал ключ от библиотеки.

Нет, этого разыгрывающие не могли знать! Произошёл какой-то прорыв во времени? Сорок восемь лет. Любопытно будет пообщаться.

– Нет, я не родственник. Похоже, что я – это ты в далёком будущем.

– Разве так бывает?

– Нет, так не бывает. Это подарок от кошки.

– Кошка может только мышь принести в подарок. Или крысу. А наш кот ходил через балкон в гости к соседям и принес канарейку. В подарок.

– Да, я помню тот скандал.

– У меня много вопросов к будущему. Давайте пообщаемся. Мы будем на «ты» или на «Вы»?

– Давай на «ты», мы же, можно считать, близкие родственники. Зови меня Семёнычем, как на работе меня зовут, а я тебя – Юрой.

– Ты меня плохо помнишь, а я тебя совсем не знаю.

– Да, Юра, биологи говорят, что каждые семь лет все клетки организма меняются. Так что ты поменялся семь раз, чтобы стать мной. Спрашивай, что бы ты хотел узнать?

– Я поступлю в Высшую школу КГБ?

– Да поступишь. Прошное не изменить. Только будущее.

– Вопрос спорный. Для кого прошное, а для кого и нет. Будущее можно и своими руками создавать. Вот мы переписываемся с Ирой из Новгорода, и я на ней, вероятно, женюсь после армии и учебы. Я предвижу будущее.

– Нет, Юра, на ней не женишься.

– А на ком из девочек?

– Ты её пока не знаешь. Через пять лет познакомитесь.

– Пять лет я не буду встречаться с девушками?

– Будешь в Москве встречаться с девушкой, но тоже не женишься.

– Если ты помнишь, Семёныч, я всегда хотел, чтобы рядом была не только любимая красивая девушка, но и надёжный друг, с которым можно пойти в разведку. И это должен быть один человек, в её лице. И чтобы любила.

– Да, это всё у тебя будет. Тебе повезёт. И любимая, и в разведку, и в охрану, и в огород.

– В какой ещё огород? Я спортсмен, а не огородник.

– О, у вас будет много огородов. В Казахстане, в Одессе, в Бессарабии, в России. Где будете жить – там будет огород. И много цветов.

– И дети у нас будут или только цветы?

– Да, дочка и внучка будут.

– Красивые и умные?

– Конечно. С голубыми глазами, как у нас. И спортом будут заниматься.

– Дочка будет заниматься гимнастикой или акробатикой?

– Она вырастет смелой. Добьётся высших результатов в парашютном спорте.

– А ты старый и уже не можешь делать сальто и переворот вперёд? А мне кажется, что я это всегда смогу делать. Какой

у тебя там год?

– Две тысячи двадцатый.

– Две тысячи двадцатый! Это просто немыслимо! И я доживу? У вас там трамвай на Луну не ходит?

– Нет, всё так же в Аркадию и Черноморку. И по Преображенской – «Троечка».

– Это раньше, до революции, она была Преображенская. А теперь Советской армии.

– Нет. Она опять Преображенская.

– Я надеюсь, сама Советская армия никуда не делась?

– Не хотелось тебя расстраивать, но нет Советской армии.

– Мы проиграли в ядерной войне? Или в химической, бактериологической?

– Ближе всего, пожалуй, бактериологическая. В мозг людям, особенно руководству, проникла бактерия наживы и предательства. Как тебе это объяснить? Ну вот, ты хотел бы что-то купить, совсем иностранное, иметь такое, чего у тебя нет?

– Да, например, кроссовки, как у парня, мастера по лёгкой атлетике, ему моряки привезли. «Пума» называются. Но я бегаю кроссы в кедах за четыре рубля. Как и все друзья. Ради кроссовок я не хочу разрушать страну. Надеюсь, у вас теперь сплошная «Пума», и никто в кедах не бегаёт?

– Даже на сцену выходят. Модно. Например, представляющие поп-культуру.

– Как смешно! У вас культура поп? Вы деградируете, не

развиваетесь в культуре?

– Можно сказать и так. Да я не очень разбираюсь в этом направлении. Они поют популярные песенки низкого качества, а чтобы зрители не заметили явной серости и убогости – крутят попами. За это им платят деньги. Здесь теперь всё диктуют законы рынка.

– Какого рынка: «Привоза», «Староконного» или «Нового рынка»? Там что, воровские законы? Рыночные карманники в законе?

– Нет, теперь такие воруи разрешены, что карманникам и не снилось. Вся страна – рынок.

– А как же партия, все государственные органы, как это всё позволил народ?

– Народ развращали медленно. Теперь кто имеет деньги, занимается шопингом. Остальные смотрят глупые фильмы по телевизору. Производство, например, «Бабблгам продакшн».

– Почему всё по-английски? Мы же с тобой английскую спецшколу заканчивали. Можем перевести. Люди занимаются магазином и смотрят фильмы производства «Жвачки, которую можно надувать в пузырь». Чувствую, вас там всех надувают в пузырь.

– Не всех. Многие увлечены делом, наукой, техникой. Есть журналисты и политики, которые пытаются отстаивать правду и справедливость. Но их голос заглушают потребители. Молодым внушили, что вы там очень плохо жили. В

очередях за колбасой.

– Наша мама считает, что колбаса – продукт не для еды. Лучше купить на рынке кусочек мяса или рыбы.

– Да, но теперь это никому не докажешь. Авторитетные руководители говорят, что в твоё время производили только калоши.

– Калоши? Как смешно. Запустили «калошу» на Луну. Взять настоящую калошу и настучать по задам вашим лидерам, чтоб не ввали.

– Вы можете взять у него интервью сами на соревнованиях. Это соперник Вити Глазунова в весе шестьдесят два килограмма в команде Ленинграда.

– Да, это интересно. Я думаю, вы несчастные люди.

– Почему? Мы любим друг друга с женой, дочка у нас славная. И внучка. Мы ездим путешествовать. В этом наше счастье.

– Разве может быть полностью счастлив человек, если рядом люди страдают от неравенства и несправедливости?

– Наше общество приучили к неравенству, равнодушию к чужому горю. Специальными телепередачами о том, что слабое звено надо безжалостно уничтожать. Фильмами о свободной конкуренции. Сначала иностранными, потом и нашими.

– У вас что там, Российская империя и царь во главе?

– Нет. Хуже. Всего не расскажешь. Теперь граница между Украиной и Россией.

– Не надо обманывать. Тысячу лет не было этой границы и не будет. Может, скажешь ещё, что там вооружённые пограничники стоят?

– Да. И до такого дошли.

– С чего же это всё началось, Семёныч? Мы рассказываем анекдоты про Брежнева, но мы готовы защищать свою страну от врагов. Да, политинформация у нас низкого качества, вроде как у нас всё хорошо, а в капиталистических странах плохо. А уехавшие евреи пишут, что там столько сортов кофе в магазине, что выбрать не могут.

– Потом поймёшь на своем опыте, что вам, точнее, нам на политинформации правду говорили про капитализм. Иногда нудно, бездоказательно, но правду. А кофе бывает только двух сортов: «Арабика» и «Робуста». Всё остальное – их смесь, реклама и добавки. В вашем случае лучше употреблять в зернах или молотый.

– Мы после тренировки предпочитаем сок яблочный или виноградный, по двенадцать копеек стакан.

– Да, я помню, даже спорили на стакан сока.

– Что-то не очень хочется в ваше «светлое» будущее. Есть те, кому нравится ваша новая жизнь?

– Да, богатые обормоты, бездельники. Не знают, куда деть себя и свои деньги. И не сознают, что без цели в жизни они бесполезны в обществе и несчастны. Человеку свойственно убедительно оправдывать свою жизнь и поступки. Есть те, кто убедил себя, что сейчас им лучше. Они свободны. Ездят

в Турцию на отдых. Вот при прежней системе они ходили бы в одной калоше, а на вторую денег бы не хватило. А большинство просто работают, зарабатывают на жизнь. Им некогда подумать на эти темы и нет вариантов разбогатеть.

– А бездельников не судят за тунеядство?

– Нет такой статьи. Отменили родители тунеядцев.

– У меня такое впечатление, что кто-то бросает по пятнадцать копеек в междугородный телефон-автомат, и мы поэтому говорим. Пока у него не кончились монеты, хочу спросить: я выиграю первенство Одесской области по самбо через неделю? Это для меня сейчас главное.

– Не помню. По-моему, выиграешь. А может, и нет. То, что нам кажется важным, со временем теряет значимость. Вот, во время учёбы будешь волноваться перед экзаменами, как будто это вопрос жизни и смерти. А потом забудешь и названия предметов, по которым сдавал экзамены.

– Ты, Семёныч, не расстраивайся. Всё будет у вас, или у нас, хорошо. Люди у нас замечательные. У нас же самая читающая страна. Самая грамотная. Вон сколько книг в библиотеке. Они не дадут оскотиниться народу.

– Спасибо, Юра. Ты меня успокоил. Я не буду продолжать про самый читающий народ. И объяснять тебе, что такое гаджеты.

– «Гады» понимаю. А дальше – нет. Это болезни? Инопланетяне? Они вредят знаниям? Не пускают в библиотеку?

– Да, вместо капитальных глубоких знаний дают поверх-

ностный справочный материал. Часто ложный, особенно в сфере истории и обществоведения.

– Посоветуй что-нибудь мне, пока не оборвалась связь. Чтобы я не менял судьбу, а только чуть подправил.

– Не пей спирт с салом на пятом курсе после зимних каникул. Испортишь желудок, будешь долго мучиться с гастритом. И ты ещё очень ответственно подходишь к соревнованиям, сбрасываешь вес и волнуешься. Это плохо для здоровья. Купи молодой жене спортивную обувь для походов в горы. А то пойдёте на зимнее восхождение на небольшую горку в Казахстане, и она испортит свои красивые югославские сапожки. И в снежки с ней поосторожнее играй – попадёшь в глаз.

– Это я понимаю. Генетическая память. Наши предки, отец и дед, в Сибири пушнину добывали, как говорили, «белку в глаз били». И во время войны лучшими стрелками были. А у тебя с белками как-то не сложилось. Совсем без белок. Вот и получилась незадача, – посмеялся Юра.

– Да, я уже при игре в снежки стал бросать их просто вверх. Так она посмотрела, куда они полетели. И опять попал. Не смейся, я продолжу свои предупреждения. За дочкой следите в парке, где качели. Это очень опасный аттракцион. В четыре года объясните ей, что кушать ягодки во дворе с кустов нельзя: их обработали ядом против гусениц, а в тринадцать лет её фраза: «Крутые горки – для крутых велосипедистов» закончится гипсом на ноге. Будешь ездить по грани-

це – возьми шерстяные носки. Машина сломается – замёрзнешь. И постарайся не ехать вдоль границы в пургу: проваляшься в старую силосную яму. Не садись в борт номер 16, в вертолет в Афганистане. Я не сел и правильно сделал. Не вкладывай деньги (да, у тебя появятся деньги) в недвижимость на Украине: после политических беспорядков всё подешевеет в несколько раз. Остальное ты всё равно не сможешь исправить. Нельзя продлить жизнь, изменить судьбу наших родителей.

– А что с моими друзьями: Виталькой художником, Шуриком, Валерой Гладковым, Коцюбой, Кротовым, Глазуновым?

– Это всё естественно. Из них остались только Коля Коцюба да Валера. Виталька сказал перед смертью, что вовремя смыться – это большое искусство. Он умер в шестьдесят три года.

– Как же ты живёшь без них? Ты сам боишься смерти?

– Ко всему привыкаешь. А от друзей юности отдаляешься, как и от самой молодости. Конечно, боюсь смерти близких. А своей – нет. Как говорили у нас в Афганистане, я и смерть – несовместимые понятия. Пока есть я – нет смерти. А когда есть смерть – нет меня. Пожалуй, боюсь продолжительной болезни и страданий. Да и горя для всех близких по такому поводу.

– В каком ещё Афганистане? Ты два раза сказал про Афганистан. Что вы там делали?

– Да практически в никаком. Сам узнаешь.

– Кончился фильм, я сейчас пойду на ужин. Опять дадут кашу и скумбрию, которую готовят на пару, без специй, только соль и лавровый лист.

– Это нормальная, полезная пища. Не колбаса. Особенно рыба, приготовленная таким способом.

– Ты говоришь как моя мама. Ну, наша. Будем прощаться. Передать привет нашим общим друзьям и тренеру?

– Не надо, они не поверят. А раз я не помню этой встречи, значит, и ты сейчас всё это забудешь. Хоть бы мои предупреждения помнил. Тоже не сохранятся в памяти, раз уже всё случилось.

Экран погас. Осталось ощущение, что не сказал чего-то самого главного. Может, был шанс изменить к лучшему судьбу Родины? А мы просто поговорили.

Кошка продолжала мурлыкать на коленях. Даже голову не подняла.

2020 г.

Лебединая песня

Может быть, над Афганистаном лебеди пролетали. Но мы их не видели и не слышали. Речь не о птицах. Это про нас. Какими мы тогда были. Внизу протекала река Пяндж. Такая голубая и прозрачная зимой. Бурная, как штормовое море, и мутная летом. Когда высоко в горах таяли ледники. Они блестяли очень ярко, если смотреть с вертолётa. А тут ущелье, ледников не видно, только огромные горы. Чуть ниже, среди осыпи камней, в реку Пяндж впадает река Куф. И ущелье поэтому называется Куфабское. Бандитов там было много. И когда басмачам удавалось выходить из ущелья, они, словно для развлечения, обстреливали мирные автомобили, изредка появляющиеся на узкой дороге, вырубленной в скалах на советском берегу. Тогда движение по дороге перекрывалось, и начинались мероприятия по поиску и уничтожению банды.

Чтобы закрыть выход из ущелья, и расположился здесь заграничный объект пограничных войск «Убагн». Застава Московской десантно-штурмовой группы. Не подумайте, что там служили ребята из Москвы или что-то было связано со столицей. Посёлок был на советской стороне с названием Московский, где и находился пограничный отряд. Но это далеко, за горами, вертолётom надо лететь. А совсем близко, за речкой, вечнозелёным пятном виднелась советская застава «Рогак». Такое название напоминает горного рогатого козла.

А зелёное пятно – потому что рядом с заставой лимонная роща, всегда зелёная.

Объект «Убагн» попадал под обстрелы нечасто, совсем рядом советская территория, поэтому и внимание на него обращали в последнюю очередь. Все живы, службу несут, иногда обстреливают банды, пытающиеся выйти из ущелья. Тихо и спокойно.

В тот год зимой этой заставой в Афганистане командовал молодой капитан Валера Д. По делам службы я несколько раз прилетал к нему на вертолёт в ту зиму. Кровать для приезжих в землянке так и была заправлена мной. Никто из офицеров больше на заставу не приезжал. Валера обрадовался мне – хоть поговорить можно, в шиш-беш сыграть. Он один офицер на объекте. Заместителя забрали на учебный пункт. Готовить молодое пополнение бойцов. А прапорщик заболел желтухой, так и не вернулся. Валера жил интересами заставы, проверял несение службы, проводил учёбу, был и за замполита, и за командира, и за старшину по хозяйственным вопросам. Третий год уже пошёл его службы в Афганистане. Так бывало у тех, кто служил в Среднеазиатском пограничном округе. Как бы и не загранкомандировка. Просто речку перелетел на вертолёт. Кто-то из офицеров рассказал, что психологи определили: нельзя находиться в командировке на войне больше двух лет. Жёны не выдерживают большего срока напряженного ожидания и одиночества. Семьи распадаются. На самом деле это ложь. Наши погранич-

ные жёны самые терпеливые и надёжные.

Вертолёт не глушил двигатель, я выпрыгнул из него. Быстро выгрузили мешки с мукой, письма, посылки и ящики с боеприпасами. Второй вертолёт, как всегда, гудел над нами, прикрывая на случай обстрела. Вот наш вертолёт улетел, обдав нас горячим керосиновым выхлопом и пылью. Стало так тихо, что слышно было, как внизу шумит река.

– Привет, Валера, – пожал я руку улыбающемуся капитану. Он был в спортивной вязаной шапочке и с резиновым экспандером в руке.

– Пойдём физкультурой позанимаемся, – предложил он.

– Положу рюкзак, автомат и приду.

Валера был крепкий спортивный мужчина. Мы позанимались физзарядкой на площадке за землянкой. Там была скамейка, чтобы качать пресс, и труба с насаженными на неё двумя миномётными минами калибра 120 мм. Каждая мина весом 16 кг. Это была штанга. Такие спортивные снаряды имелись на каждой заставе в Афганистане.

Вернулись в штабную землянку.

– Что у вас нового с прошлого моего приезда? – поинтересовался я.

– Вчера банда шла по тропе, что поперёк большой горы. Мы её обстреляли из автоматического гранатомета АГС-17. Только эффективность этого оружия в каменистых горах невелика. Граната попадает между камней, и осколки большей частью уходят вверх. Только напугать можно басмачей.

Нам бы ЗУ-23 на объект! Обещали прислать.

– Да, обещают прислать. А помнишь, Валера, как летом мы приезжали сюда с офицером медицинской службы, спали с ним в одной землянке, а бандиты стрельнули по объекту. В ответ заработал АГС. Медик во сне услышал и подумал, что кто-то стучится в дверь. «Войдите!» – кричит. Я ему говорю: «Это АГС!» А он, не просыпаясь: «Всё равно кто, пусть войдёт!»

– АГС не войдёт. У него три ноги, и все не ходят, – улыбнулся Валера. – А ещё обещают, что пришлют офицера на временную замену и отпустят меня на побывку к семье в поселок Московский, где я не был уже полгода.

– Буду в оперативной группе, обязательно напомню об отшельнике в горах, – ответил я.

Солнце в ущелье всходило из-за одной высокой горы, показывалось между скал и быстро заходило за такую же огромную гору. И сразу становилось темно. Сырой зимний вечер, с тучами, выползающими из Куфабской щели.

Застучал генератор, дающий свет на пару часов. Пока все поужинают, подготовятся к нарядам на службу. И мы поужинали кашей с тушёнкой и чаем со сгущёнкой. Тушёнка надоедает очень быстро. Всегда хочется свежих продуктов. А сгущёнка не надоедливая. Её готовы есть все и всегда. Усилада нашего детства, войн, гор и походов.

Вот наряды ушли на службу, генератор отключили. Полная темнота и тишина.

Над столом у Валеры горела тусклая маленькая лампочка от аккумулятора. Мы с ним сидели и говорили о жизни, о войне.

– Представляешь, меня когда-то научили гадать на картах. Хочешь, тебе погадаю? – предложил капитан.

– Не верю я в эти гадания, – ответил я.

– Но ведь во что-то веришь? Все на войне во что-то верят. В Бога. В приметы. Если один раз повезло небритому – не бреешься перед выходом в горы. Вертолётчики перед вылетом боятся фотоаппарата как черт ладана.

– Никогда не видел, как чёрт боится ладана. Ладан видел, чёрта пока не довелось, – посмеялся я.

– Просто ты не допивался до чёртиков. Когда-нибудь увидишь.

– Не увижу, не пью до чёртиков, – упрямылся я.

– Напьёшься до чёртиков. Жизнь длинная и многообразная! – настаивал на своём Валера.

– Без чёртиков в жизни хватает чудес, – перевел я тему с нечестивых.

– Тогда давай, я опять себе погадаю. Тут у меня чертовщина какая-то получается. Моя жена, красавица блондинка. Бубновая дама. Я сам – пиковый король, хоть уже и масть мою трудно разобрать за светом лысины. Служба в суровых условиях среднеазиатских застав просветляет прическу. Здесь все становятся немного «бубновыми»: кто лысым, кто седым. Но, когда гадаю, рядом с бубновой дамой выпадает

бубновый король! А это не я! Сейчас погадаю. При тебе будет другой результат.

В полной тишине Валера раскладывал карты. На стенах землянки двигались причудливые тени от его рук. Как потусторонние силы под напряжённый шелест карт. Очень хотелось, чтобы бубновый король ушёл куда-нибудь в казённый дом или дальнюю дорогу, чтоб Валера не беспокоился. Но нет! Бубновый король нагло падает на бубновую даму!

– Ты плохо их перемешал, вот поэтому и результат одинаковый получается, – поспешил я выдвинуть свою версию. Взял колоду, тщательно перетасовал карты и вернул их принявшему капитану.

– Вот теперь карты правду скажут, – недоверчиво улыбнулся я.

Валера нервно и быстро раскладывал карты. Проклятый бубновый король настойчиво упал на бубновую даму! Мы оба молчали. Какие-то бесовские шутки выдает нам теория вероятности! Валера схватил колоду карт и бросил их в соседний ящик, висевший на стене в виде тумбочки или полки.

– Этого не может быть, – прервал он наступившую тишину. – Мы любим друг друга. У нас двое прекрасных детей. Мы вместе прошли много трудностей во время службы на забытых богом заставах Средней Азии. И никогда не было повода усомниться в её надёжности и любви.

– Вот ты и сам убедился, что нельзя верить во всю эту

чертовщину, приметы, гадания! – старался успокоить я товарища не очень уверенным голосом. – Просто ты давно не был на побывке в Союзе. Обязательно поедешь в ближайшее время.

– Пойдём, проверим несение службы и освежимся горным воздухом, –предложил он.

Мы вышли из землянки. Тишина. Совершенно свежий горный воздух. Чуть пахнет дровами, которыми топили печки. Теми дровами, что привозят вертолётыв! Самые дорогие дрова, если посчитать!

Пост над обрывом. Докладывает старший наряда, Ушаков. Славный парень. На беседе ещё на учебном пункте рассказывал, что он из неблагополучной семьи, отец и мать страдают алкоголизмом. А он твёрдо решил не стать таким, как они. Спиртного не употреблял, занялся спортом, успешно окончил техникум, готовился работать и учиться в институте. Его ждёт прекрасная невеста, письма пишет почти каждый день.

Нам бы погадать тогда и уберечь его от случайной пули, которая найдёт его сердце через два месяца!

На другом посту пулемётчик боец Саша Гизай. Улыбчивый спокойный парень. Ему судьба нагадала долгую жизнь, жену, детей, хорошую работу. И смерть в центре Луганска в 2014 году, когда украинский самолёт ракетами и снарядами атаковал мирное население.

Но это я знаю сейчас, когда пишу рассказ. Тогда это было

неизвестное будущее.

Через несколько дней Валера улетел домой, на побывку.

Встретились мы с ним уже ранней весной. Когда оживала природа. Вылезали из-под камней первые скорпионы. Вот уже и змеи должны проснуться, побегут быстрые фаланги – большие ядовитые пауки. Прилетят твари бестелесные – москиты. И настанет лето. Нестерпимая жара. И днём и ночью среди раскалённых камней ущелья.

Вечером, когда мы пили чай в землянке, Валера рассказал о своей поездке к жене и детям.

– Карты не врут, – вздохнул он.

– Насколько не врут? – осторожно спросил я.

– Совершенно не врут. Отчаянно не врут. Досконально не врут. Хоть бы соврали для приличия. Приехал домой, всё в порядке, в любви и уюте. Можно было бы и не вспоминать. Но предательская рука потянулась за картами. Бес попутал. Погадал при жене. Хуже некуда. Бубновый король тут как тут. Упал на неё, бесстыжий, прямо при нас. Жена перестала смеяться. Побледнела. И вдруг совершенно серьёзно сказала, что это правда. Что она всегда мечтала о высоком блондине. И он появился. Инженер-бурильщик. Приехал воду искать в безводных районах. И нашел её, бубновую красавицу. Любит больше жизни, клянется, на всё готов ради неё. Ей уже тридцать лет, и это её лебединая песня. Так и сказала. Лебединая песня. По-моему, лебедь только шипеть умеет и отвратно гоготать, как гусь.

– И ты всё это спокойно выслушал? – удивился я.

– Да, три года войны приучили ко всему. Не рвать на себе или на других волосы в любой ситуации. Я ей помог спокойно собрать вещи. Детей она взяла с собой и пошла к своему бубновому королю. С детьми мы решили разобраться попозже: им и так хватило впечатлений, они не понимали, что происходит.

– Король с радостью принял её в свое королевство? – поинтересовался я.

– Нет, король увидел делегацию, не захотел к себе пускать, кричал, что она своими детьми испортила его возвышенные любовные отношения, которые подразумевали остроту тайны. Бубновая королева переночевала у знакомой. А утром отправила детей ко мне с «челобитной». Упасть на колени и просить папу, чтобы он взял маму обратно. Что она очень любит папу и молит о прощении.

– А ты после её ухода не принял спиртного, согласно традиции и сложившейся обстановке?

– Представь себе, нет. Люблю выпить, когда праздник, всем хорошо и весело. А я молча сидел в отчаянии, в полудрёме, мечтал, чтобы это всё мне просто приснилось.

– Понятно, детей встретил в хорошей форме.

– Да, детей встретил, потом и бубновую королеву.

– И как ты теперь сможешь на всё закрывать глаза? Не вспоминать, не упрекать? – поинтересовался я.

– Я её люблю. И мне кажется, что она теперь ещё больше

меня любит. И дети у нас замечательные. Переживём. Будем считать, что виновата война. Разлука.

– Да, это правильно. Ты поступил как настоящий мужчина. Заканчивать тебе надо войну. Психологи правы: три года – это слишком много!

Мы вышли из землянки на свежий воздух. Большая луна взошла из-за скал, освещая огромные камни, и речку, светлеющую между ними, и тропу, идущую к кишлаку. И безветренный прохладный горный воздух. Мир и покой. Казалось, всё здесь вечно и неизменно. Кроме нас.

2022 год.

О чём я начал вспоминать в пять часов утра

Вот только начни вспоминать Афганистан. И уже не уснёшь. О чём я ещё не написал в своих рассказах? Может, что-то главное упустил?

Про капитана Григорьева. Офицера военной контрразведки, который погиб на Куфабе. Вся его маневренная группа пошла на прочёску ущелья. Это малоэффективное и опасное мероприятие в той местности. Бандиты скрываются в щелях, заложенных камнями, стреляют через маленькие отверстия. В горах эхо, по звуку их не найдёшь. Солнце яркое – вспышки выстрела тоже не видно.

Григорьев запросил по радиостанции у своего шефа, где ему находиться на операции. Шеф позвонил большому начальству в Душанбе. Получил команду находиться в боевых порядках.

Во время прочёски убило пулемётчика группы. Григорьев лёг за пулемёт. Но и ему не повезло: пуля попала в голову. Был бы в каске, может быть, и спасся: пуля совсем чуть-чуть задела голову, но это оказалось смертельно.

Начальники испугались за свою шкурку, и все отрицали, что давали устную команду находиться в боевых порядках. Получалось, что он самовольно геройствовал.

Вот почему, когда я только приехал в Душанбе, один из замов начальника, тот, у которого голова похожа на дыню, сразу начал инструктаж на повышенных тонах: «Нам в Афганистане нужны контрразведчики, а не пулемётчики!» Я тогда не понимал, о чём это он.

Пулемётчиком я там не был. А вот гранатомётчиком станкового гранатомёта (СПГ) однажды пришлось стать.

В горах был туман. Уже несколько дней. Вертолёты не летают. Я на заграбъекте «Пашар». Застава мотоманевренной группы, 50 человек, плюс 10 миномётчиков.

Приходит местный житель кишлака Фи. Рассказывает, что в кишлак пришли бандиты, человек двадцать, требуют продовольствие с каждого двора. Что особо обидно, душманы не со своего кишлака, а «чужие». Хитрые жители просят защиты у шурави.

Взяли разрешение в оперативной группе на проведение мелкой операции без поддержки вертолётов, собрали всех, кого могли, ещё двадцать сарбозов (военнослужащих ДРА), которые жили рядом в кишлаке. Вышли по тропе под прикрытием тумана, который быстро рассеивался. Через час его уже не осталось совсем.

Сарбозов пустили вперёд, на прочёску кишлака. Но они дошли до крайних домов и попрятались там у знакомых. Наши бойцы вступили в бой.

Выходит на связь командир группы. (Попросили замолчать сарбозов, которым тоже дали рацию, и они в неё гор-

до кричали: «Дуст, дуст, манн меркес» (Друг, друг, я центр). Так им нравилось, что они центр.) Так вот, выходит ко мне на связь командир.

– Нас прижали огнём из пещеры. Которая выше кишлака. Ты её наблюдаешь в бинокль?

– Да, вижу.

– Попробуй попасть в неё из СПГ. Там повар учился когда-то на гранатомётчика, возьми его в помощь. Только прицел разбит, попробуй целиться через ствол.

Вызываю с кухни повара, приносим боеприпасы, начинаем стрелять. Наблюдаю, куда летят снаряды, и подкручиваю наведение. В пещеру попали два раза только, двадцать четвёртым и двадцать пятым зарядами.

Группа вернулась из кишлака без потерь. Офицеры улыбались за ужином.

– По цене зарядов ты выстрелил целый автомобиль «Жигули».

– А вы хотели, чтобы автомобиль был, а ехать некому? Жизнь дороже.

А ночью меня тошнило, и голова кружилась. Надо стрелять из СПГ в шлеме – слишком громкий звук. И ещё какая-то порошинка или песчинка залетела в ногу во время выстрела. И несколько лет в мышце выше колена было небольшое затверждение. Потом само рассосалось.

Вот вспомнилось в пять утра. И туман, и тучи, сырое утро. Подробно, ярко. В шесть часов уже всё это написал.

А почему раньше не написал об этом? Да люди будут читать, которые действительно попадали в серьёзнейшие боевые ситуации, как-то неудобно про себя писать. Григорьев погиб в нашем ущелье до моего прибытия в Афганистан, всё пишу по рассказам сослуживцев. Но помянуть его надо. Да, ещё вспоминается фраза одного начальника, которую он нам сказал на сборах офицеров контрразведки. Без сарказма. Он просто не знал, что и сказать. «Все погибли моментально, а наш – молодцом. Ещё двадцать минут жил, даже спасти его пытались». Это про Соловьёва, который прибыл с Дальнего Востока. Он ехал на бронетранспортере вместе с группой военнослужащих сверху «на броне». Чтобы не пострадать от противотранспортной мины, внутри БТРа только водитель. Мина оказалась в ручье, который переезжали. Она была усилена авиабомбой и ещё чем-то. Взрыв был очень сильный. У бронетранспортёра днище соединилось с верхней частью, а бойцы разлетелись на несколько метров. Вот и Соловьёва надо помянуть. После той войны контрразведка своих не забывала. Но и не вспоминала. Страна начала петь новые песни, такие как из «Бумера»: «Никого не жалко, никого, ни тебя, ни меня, ни его».

2018 г.

Трудно не сказать лишнего

А вы не жалели, что сказали лишнее? Иногда это всего одно слово или одна мысль. Выскочила воробьём, нагло чиркнула и улетела. А вы остаётесь с последствиями. Да, бывают сожаления и по другому поводу. Как же я, такой или такая умная, и не сказал, промолчал, а это слово было бы как победный удар молотка по пасхальному яйцу, как колокол среди ночи: все бы подпрыгнули от неожиданности. И они бы тогда ответили, а я бы тогда сказал ещё слово. А так – лежи перед сном и продолжай диалог со своей подушкой.

Но промолчать бывает ещё сложнее. Когда сказанное не тайна и не несёт никому печальных последствий, кроме тебя. Когда воробей, вылетая, гадит только на своего освободителя.

В кабинете начальника сделали ремонт. Начальник в погонах полковника, и ремонт ему делали солдатики, вчерашние мальчишки из далёких сёл и городков. У них свой взгляд на эстетику и дизайн. Зовёт меня начальник к себе. Обычно он любитель покричать на подчинённых и даже на каждого офицера завёл папочку с компрометирующими материалами, которые хранил в дальнем уголке сейфа. Однажды он заболел, врачи ошиблись с диагнозом. Он перед операцией в госпитале позвал всех подчинённых офицеров, попросил прощения за всё и сообщил, что папочки со всякими кляу-

зами он сжёг. Но болезнь оказалась лёгкой, начальник вернулся и заявил, что ещё не успел очистить свой сейф.

И вот он позвал меня к себе в отремонтированный кабинет. Там были ярко-розовые стены и сейф, который солдатики пытались покрасить под дерево. Нанесли на тёмно-коричневый фон светло-коричневые пятна и полосы. В хорошем расположении духа, шеф обратился ко мне по имени-отчеству.

– Юрий Семёнович, Вы любите искусство, у вас развитое эстетическое восприятие, – начал он, разглядывая розовые стены, – как на Ваш взгляд, сейф такого цвета не очень сочетается с внешним?

Я понимал, что сейчас скажу то, чего не надо говорить. Но не смог сдержаться.

– Зато прекрасно сочетается с внутренним.

– А почему с внутренним? – Он пытливо взглянул мне в глаза. Я заметил, как его глаза начинают меняться. Сначала в глубине светился вопрос. Вопрос погас. Глаза стали больше по размеру и выпуклыми. В них любопытство быстро переросло в ярость.

– Ты хочешь сказать, что в моём сейфе говно?

Мне показалось, что он даже понюхал воздух, чтобы убедиться, что это не так. На самом деле его ноздри раздувались от негодования.

– Ты сам говно, и в твоём сейфе говно, и в кабинете у вас говно! – Он искал слова, кроме «говна», чтобы всё покрасить

в коричневый цвет. Не нашёл. И ещё долго продолжал речь, в основном состоящую из этого же слова.

Он постарался покрасить мою ближайшую жизнь именно в этот цвет. И всем досталось, кто попадал под руку. Меня перевели на новое место службы, на Камчатку, а сейф и стены перекрасили.

А до Афганистана? С генералом по кличке Кровавый Карлик. Ему дали такую кличку еще до нас, где-то в Группе советских войск в Германии. Он, когда злился, становился красным, как спелый помидор, а злился он всегда. Никто не мог его уволить, потому что он был в хороших отношениях с большим московским начальником, тоже маленького роста, по фамилии Цинёв. Или Цвигун? Кто из них маленький? Неважно.

Приехал к нам Карлик с инспекцией. Нашёл желающих для откровенного разговора. И узнал, что некий капитан любит шутить. Одессит. А шутки вызывали у Кровавого Карлика дикую злобу. Собрал он офицеров, приказал мне встать и сразу покраснел.

– Вот, посмотрите, у нас завёлся шутник. Вместо офицера у нас клоун! Клоун, клоун, клоун. – Генерал заводился всё больше. Только ещё не подпрыгивал при этом, как ребёнок, который дразнится. Вот он выкричался, и лицо начало розоветь после красного.

– Вам есть что ответить? – спросил он меня. Но опять меня чёрт дернул.

– Никак нет, товарищ директор цирка!

Помидор опять покраснел. Начал кричать и угрожать. Он кричал что-то про купленную мной машину, что надо посмотреть, на какие деньги (старенькую, я её отремонтировал и ездил), я не слушал, думал о возможных последствиях.

Последствия наступили. Мой однокурсник работал в отделе кадров, позвонил мне.

– Что ты такого сказал генералу, что он лично прибежал в отдел и дал указание капитана Яковлева отправить в Афганистан на самый сложный и опасный участок? А если откажется ехать – уволить!

Вот так я и уехал в Афганистан. А там не было таких начальников. Реже встречались. Да ещё и в диких горных краях. Избегали этой загранкомандировки. Лично мне не встретились. И шутки там могли оценить.

А потом в интернете. Критиковал Майдан и новые власти на Украине. И всё это пошло в дело. А когда подослали агента, он спросил, как я буду встречать русские танки на улицах Одессы, представляете?

– Традиционно, – ответил я. Ну и можно было не отвечать на дальнейшее.

– А как это – традиционно? – не унимался посланец СБУ.

– Немецкие с гранатой, русские с цветами!

И вот они там, а я здесь, в России.

Да эта «болезнь» у меня с детства. Помню, родители наказывали, после жалоб на родительском собрании, что все

дети нормальные, а этот молчит, а потом может сказать что-то очень едкое. И это передается по наследству. Дочку спросили на уроке биологии: правильно ли будет для оказания помощи закапывать в землю человека, которого ударила молния? Она ответила, что, скорее всего, правильно. Закопать. Обычно так делают. Учительница пожаловалась, как когда-то на меня. Только мы не ругались, а смеялись. Да и в четыре годика, когда я её обнимал, небритый, она сказала: «Ты не ёжик, а я тебе не яблочко, чтобы насаживать на свои колючки»! Дай бог, чтобы ей это не мешало, а помогало в жизни.

Да и мне не мешает. Жена привыкла, ей нравится. Вот только лежишь перед сном и думаешь: а если бы не сказал лишнего? А если бы вот так сказал? А если наоборот? Или от слов ничего никогда не меняется? Есть судьба и в любви, и в работе, и во всей остальной жизни. Или сначала было слово?

2020 г.

Про любовь и поэзию

Вертолёт загудел громче, обдав нас горячей струёй керосинового

воздуха, оторвался от земли, спикировал с нашей скалы в глубокое ущелье и скрылся за поворотом реки. Сразу стало тихо. Очень тихо. Всегда поражаешься в горах, какая бывает тишина. Так тихо было в этих афганских горах тысячи лет. Нет здесь дорог. Нет машин. Караванные тропы. Для ишаков и басмачей. Верблюды в горы не ходят. Ну и мы тут прижились в горах. Пограничники маневренной группы.

Только что прошёл дождь. Конец мая. Природа уже ждала дождя. Запахло травой и смолистым запахом арчи. Это такой можжевельник. Дерево.

Штаб прилепился между двух огромных камней. Двухэтажный. С потолками в средний рост человека. Маленькое окошечко из снарядного ящика. Рядом с ним выбоина от разрыва выстрела гранатомета. Кто-то забыл опустить светомаскировку вечером, когда дали свет от дизель-генератора. На первом этаже штаб, на втором – связисты. Маленькие комнатки с печкой-буржуйкой в уголке. Зимой я сидел перед горячей печкой, жарил и дезинфицировал на углях чищенные грецкие орехи, накалывая их по кусочку на шомпол автомата. Местный подарил целую связку на нитке. Я ему лекарство для ребёнка привозил. Но уже тепло, печку не топят.

Потолок подбит фанерой. Со щелями. Как-то крыса свесила через щель длинный хвост во время нашего ужина. Капитан по имени Виктор, командир этого объекта, схватил за хвост. Крыса пищала, не знала, что делать. Не знал и капитан. Отпустил. Она ушла по делам. Он – мыть руку. Он был седой толковый, и всё ещё капитан. Через месяц, говорят, получит звание майора.

– Почему у тебя такая задержка в получении званий? – спросил я его.

– Это долгая история, – ответил он. – Я невинно пострадал сначала за любовь, а потом за поэзию.

Всякие истории я слышал от офицеров в эти афганские вечера в землянках. Где не было телевизора и книг. Но тут такая романтическая история! Вечером, когда пили чай со сгущёнкой, я попросил Виктора рассказать про любовь и поэзию, которые останавливают служебную карьеру.

– А что я мог сделать против любви? – начал свой рассказ капитан. – Я уже заканчивал службу на далёком острове Курильской гряды. Там не держали тех, у кого детям скоро в школу. Места красивые. Море, грибы, ягоды. Рыбалка. Остатки японских укреплений времен войны.

– И кого ты там умудрился полюбить, кроме жены? Неужели природу? – поинтересовался я. – Это не запрещено.

– Нет, жена уехала с ребёнком к матери, ждать моего назначения к новому месту службы, где есть школа.

– Не представляю, кого можно ещё полюбить на острове.

– Ты и не можешь себе представить. Летом мне прислали сразу двух лейтенантов, которые только что окончили училище. Но уже успели жениться. Один лейтенант – зам по боевой части. Другой – по политической. Оба красавцы. Молодые, подтянутые. И жены у них симпатичные. Но совершенно разные. У замполита – высокая блондинка. Вежливая, общительная. А жена зама по боевой – очень боевая, черноволосая, с хорошей фигуркой. Весёлая. Смеялась по любому поводу.

– Кто из этих жен испортил тебе карьеру? – поинтересовался я.

– Обе. Но не так, как ты думаешь. Я не аморальный тип, чтоб ухаживать за жёнами подчинённых.

– Тебя по доносу зря заподозрили?

– Нет. Мне нравилось, что молодые офицеры стараются на службе. Жены за ними ухаживают и подружились между собой. Меня приглашали на совместные празднования дней рождений. Славные ребята. Но потом наступила зима. Тоскливо зимой на острове. Туманы. Вертолёт прилетит раз в месяц. А то и не прилетит. Но молодые семьи стойко переносили трудности.

– В чём же тогда проблема, если всё в порядке и на службе, и дома?

– Случился Новый год. Встретили мы вместе с солдатами заставы, концерт организовали, песни, музыка. Потом я на службу, а молодые пошли к себе праздновать. Там выпили,

играли в карты. Кто-то из них предложил, сначала шутя, а потом и серьезно, поменяться жёнами на неделю. Блондинка не соглашалась, её уговорили втроём. Я этой подмены и не заметил.

– Так ты и дальше мог не замечать, вернулись назад, всё тихо.

– В том-то и дело, что замполит с чёрненькой не захотели меняться

обратно. Они говорили, что возникла настоящая любовь. Блондинка всё пыталась ударить, чем потяжелее, своего бывшего мужа или его новую подругу. Пришлось докладывать в штаб отряда. Прилетел вертолёт, когда позволила погода, и увёз их к разным местам службы.

– Представляю, что тебе довелось услышать!

– Да, самое мягкое – что я развёл на заставе развратство, только они кричали совсем другое слово. Выговор получил, и задержали срок получения очередного звания. Пострадал за любовь.

– А за поэзию?

– За поэзию – на китайской границе. Привезли пополнение бойцов после учёбы. Один такой красавчик, городской, грамотный. Всё стихи писал. Какие-то упаднические. Про смерть. Потом повесился.

– Тебе опять выговор и задержали звание?

– Ну, конечно, без этого не могут. Но самое страшное, что

через год на заставу опять попал молодой солдат, который писал невесте письма в стихах.

– Закон парности случаев? Тоже повесился? – спросил я.

– Нет, с этим гораздо лучше. Он застрелился. Они с невестой договорились быть честными. Если она ему изменит – не будет объясняться, а пришлёт в письме спичку. На третьей спичке он застрелился. А жаль: у неё ещё целый коробок спичек остался.

– Что тебе сказать на всё это? Такая вот она бывает, любовь, и такая поэзия.

– У меня на объекте нет ни одного человека, кто сочиняет поэзию.

Когда прибывает молодое пополнение, я спрашиваю, кто умеет писать стихи, два шага вперед. Если такие находятся, я их в вертолёт и отправляю, пусть заменят другими, не такими талантливými.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.